

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.11.9>

Октябрьская Ольга Святославовна

ПУШКИНСКИЕ МОТИВЫ В ПОВЕСТИ А. П. ГАЙДАРА "СУДЬБА БАРАБАНЩИКА"

Цель статьи - показать тесную связь классического произведения русской литературы - романа А. С. Пушкина "Капитанская дочка" - с повестью Аркадия Гайдара о герое-подростке 1930-х годов. Принадлежность обоих произведений к жанру романа воспитания, сходство жизненных перипетий Сергея Щербачёва и Петра Гринёва позволяют это сделать. В статье анализируются мотивы и проблемы, сближающие произведения Пушкина и Гайдара: родительский наказ и сыновняя верность ему, проблема выбора жизненного пути, мотив искушения и его преодоления, мотив возвращения блудного сына и т.д. Эти и другие факторы демонстрируют преемственность гайдаровской прозы традициям русской литературы XIX века и вневременной характер провозглашаемых писателем XX века нравственных ценностей.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/11/9.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 11. С. 44-47. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

7. Решетов Т. Предисловие // Мамлеев Ю. В. Невиданная быль. М.: Традиция, 2014. С. 5-25.
8. Решетов Т. Россия Вечная в космическом ракурсе [Электронный ресурс]. URL: http://zavtra.ru/blogs/rossiya_vechnaya_v_kosmicheskom_rakurse (дата обращения: 29.08.2019).
9. Романовская О. Е. Постмодернистская версия антигероя в рассказах Юрия Мамлеева // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 23. С. 59-65.
10. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. М.: ERGO, 2018. 148 с.

EROTOLOGY, THANATOLOGY AND METAPHYSICS OF ABSURDITY IN Y. V. MAMLEEV'S POETRY

Merkushov Stanislav Fedorovich, Ph. D. in Philology
Tver State University
stas2305@gmail.com

The article examines Y. V. Mamleev's collection of poetry "The True Story of the Unseen". Being a prophecy of global transformation of the universe, the analysed poetical texts are penetrated with a feeling of deeper unity of all the elements of existence with the Absolute, the Truth. In the atmosphere of chaos, absurdity and apocalyptic character representing the inverse, dark side of a subject and the surrounding world, the poet actualizes the eschatological aspect typical of the Russian classical literature and associated with belief into salutary transcendental forces inherent in the Russian consciousness and spirit.

Key words and phrases: Y. V. Mamleev; eros; thanatos; "The True Story of the Unseen"; poetry; absurd.

УДК 8.82.09

Дата поступления рукописи: 03.10.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.11.9>

Цель статьи – показать тесную связь классического произведения русской литературы – романа А. С. Пушкина «Капитанская дочка» – с повестью Аркадия Гайдара о герое-подростке 1930-х годов. Принадлежность обоих произведений к жанру романа воспитания, сходство жизненных перипетий Сергея Щербачёва и Петра Гринёва позволяют это сделать. В статье анализируются мотивы и проблемы, сближающие произведения Пушкина и Гайдара: родительский наказ и сыновья верность ему, проблема выбора жизненного пути, мотив искушения и его преодоления, мотив возвращения блудного сына и т.д. Эти и другие факторы демонстрируют преемственность гайдаровской прозы традициям русской литературы XIX века и вневременной характер провозглашаемых писателем XX века нравственных ценностей.

Ключевые слова и фразы: Аркадий Гайдар; Александр Пушкин; детская литература; повесть/роман воспитания; образ подростка; проблема выбора; архетип блудного сына; проблема социализации.

Октябрьская Ольга Святославовна, д. филол. н.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
svyatolga@yandex.ru

ПУШКИНСКИЕ МОТИВЫ В ПОВЕСТИ А. П. ГАЙДАРА «СУДЬБА БАРАБАНЩИКА»

Традиции А. С. Пушкина достаточно сильны и актуальны практически для всей русской литературы как XIX века, так и века XX. Достаточно многовекторное наследие этого поэта, писателя, драматурга даёт импульс развитию творческого потенциала его последователей. Так, А. Ахматова, М. Цветаева, С. Есенин и другие продолжили развитие поэтических открытий Пушкина, И. Тургенев, А. Белый, М. Шолохов и другие осмыслили традиции пушкинской прозы, а Н. Гоголь, А. Чехов, М. Горький и многие другие идут по стопам драматургии Пушкина. Некоторые детские писатели тоже черпают вдохновение в пушкинском творчестве. К примеру, можно выявить пушкинские мотивы в повести известного детско-юношеского писателя первой половины XX века Аркадия Гайдара «Судьба барабанщика». Об основных мотивах романа Пушкина «Капитанская дочка» писали многие. Однако рецепция их в произведениях писателей XX века изучена не до конца. Этим обусловлена **научная новизна** статьи, которая заключается в новом взгляде на хрестоматийное произведение Гайдара и на воплощение в нем пушкинских мотивов. **Актуальность** настоящей работы заключается в необходимости обновлённого взгляда на гайдаровскую прозу, которая остаётся важной составляющей нравственного воспитания современного подростка и продолжает лучшие традиции русской классической литературы. **Целью** статьи стало исследование пушкинских мотивов, реализовавшихся в его историческом романе «Капитанская дочка», в их влиянии на повесть Гайдара «Судьба барабанщика». В соответствии с этим основные **задачи** работы – выявить сходные архетипические образы, мотивы, структурные элементы, ценностные ориентиры в историческом романе Пушкина и повести о сложных испытаниях в судьбе советского подростка Гайдара.

Прежде всего необходимо отметить принадлежность обоих произведений к одному жанру – роману/повести воспитания, теория и история которого стала объектом осмысления многих исследователей русской литературы. Так, к изучению особенностей этого жанра и своеобразия его воплощения подходили многие ученые: М. М. Бахтин [1], А. В. Дialeктова [4], Е. А. Краснощёкова [6], В. В. Кожевников [5],

Н. Т. Рымарь [9], В. Н. Пашигорев [7] и др. Общими типологическими чертами романа воспитания становятся «моноцентричность» [6, с. 14] повествования, ступенчатость, поэтапность судьбы героя [Там же, с. 16], наличие ментора (воспитателя), которого в ряде случаев может заменить сама жизнь, «изображение мира и жизни как опыта, как школы, через которую должен пройти всякий человек» [1, с. 204]. М. М. Бахтин признавал также важность поставленной конкретной педагогической идеи. Но самым важным оказывается антропоцентричность такого типа произведений. Все эти черты в той или иной степени характерны для произведения Пушкина и повести Гайдара. На первый план в обоих текстах выходит герой, проходящий разные этапы своего формирования. Подростково-юношеский период взросления Петра Гринёва и Сережи Щербачёва – время наиболее яркого проявления тех качеств обоих персонажей, которые были воспитаны в семье, а также формирования собственно индивидуальных личностных черт, которые рождались в трагических испытаниях, выпавших на долю каждого. Писатели показывают непростой процесс формирования личности, сосредотачиваясь на изменениях, которые происходят в жизни каждого из них в определённую стадию их жизненного пути. Для обоих персонажей изначально роль наставника играл отец, и именно его нравственные принципы становятся основополагающими для каждого сына. Впоследствии оба попадают под весьма специфическое наставничество «лихого разбойника» – Пугачёва или советского «шпиона», которые делают героям своеобразную «прививку» от ложных ценностей, но и учат их многому. Немаловажной оказывается и та цель, к которой в конце концов подходят герои, с позиций которой и оценивается весь их путь формирования. Одной из важных и знаковых проблем представляется вопрос о влиянии семьи и общества на подрастающее сознание и взаимовлиянии этих двух составляющих. Проблема взаимодействия семьи и общества актуализировалась в русской литературе с глубокой древности. Ещё в «Слове о полку Игореве», «Повести временных лет» и других памятниках древнерусской литературы данная проблема находила своё воплощение. В русской литературе XVIII в. эта тема реализовалась в пьесах Д. Фонвизина, повестях Н. Карамзина и т.д. Наибольший вклад в развитие данной темы внесла классическая русская литература XIX–XX вв. В литературе XIX века семья и проблемы, связанные с ней, выходили на первый план, хотя и корректировались общественно значимыми критериями и установками. Это характерно для таких произведений, как «Дубровский» А. Пушкина, «Отцы и дети» И. Тургенева, «Война и мир» Л. Толстого, и многих других.

В XX веке темы, связанные с семьёй, личной жизнью человека, все больше отходят на второй план, а на сцену уже выходят общественно значимые аспекты, хотя совсем уйти от семейных тем оказалось невозможным. Это видно на примере таких произведений, как «Тихий Дон» М. Шолохова, «Братья и сестры» Ф. Абрамова, «Прощание с Матёрой» В. Распутина и т.д. Эти проблемы были особо актуальны для детской и подростковой литературы, которая ориентировалась на традиционные нравственные ценности. Так, Аркадий Гайдар помимо других вопросов и задач ставил проблему личностного семейного воспитания подростка. Для Гайдара в повести «Судьба барабанщика», как и для автора «Капитанской дочки», именно семья, семейные законы и ценности выходят на первый план.

Пушкин доверяет рассказать о грандиозных исторических событиях герою-литератору, который трудится над семейными записками, а они, в свою очередь, развёрнуты прежде всего к изображению тех событий, которые повлияли на самого персонажа, его окружение, семью и т.д. События крестьянской войны при всей их масштабности, знаковости и грандиозности все же оказываются второстепенными по отношению к личным проблемам Петра, а он сам – одним из важных звеньев родовой цепи семьи Гринёвых, члены которой ценят благородство и честь, дорожат памятью о собственных предках, хранят семейные традиции. Гайдар тоже доверяет рассказать о важных событиях своему персонажу, а им оказывается двенадцатилетний подросток, который тоже в большей степени сосредоточен на разрешении личных проблем, но не может не отразить и те грандиозные события, которые происходят в стране. Прежде всего, это строительство нового общества, новых условий жизни. Так, вскользь останавливается писатель на тех явлениях, которые, по идее, должны были стать центром повествования. К примеру, это строительство метро. Данному событию посвящено множество произведений самых разных жанров, от текста песни (Я. И. Родригонов «Песня старого извозчика») до сборника воспоминаний «Как мы строили метро». Примечательно, что у Гайдара упоминание о метро и его строительстве есть, но это архиважное для многих событие уходит на второй план, уступая место событиям, более важным и актуальным для Сергея Щербачёва. На это обращает внимание И. Глушенко, анализируя повесть Гайдара: «Городская жизнь с точки зрения героя-наблюдателя выглядит довольно бессмысленной. <...> ...фонарь Метростроя, который на самом деле связан с выдающимся техническим проектом XX века, в реальной жизни Сережи – просто помеха, которая ночью не даёт спать» [3, с. 16]. Писателю важно показать одиночество героя, который оказывается брошенным в многолюдном городе, в людской суеде. Так возникают темы детского одиночества и сиротства и связанная с этим тема предательства, что тоже сближает Сергея и Петра. Щербачёв остаётся один после ареста отца и отъезда мачехи на Кавказ, а Гринёв окунается в водоворот непонятных ему событий благодаря решению отца отправить его на военную службу: «...пускай послужит он в армии, да потянет лямку, да понюхает пороху» [8, с. 232]. Такая изначальная установка ещё больше обостряет тему утраты семьи и попытки вновь её обрести. Для Гринёва и Щербачёва необычайно важна принадлежность семье, семейные ценности и традиции, которые герои усваивают и продолжают.

Оба героя повествователя начинают рассказ о собственной судьбе с представления семьи, ведь они принадлежат. В семье Гринёва дана чёткая расстановка сил – главой является отец, а матушка ему подчиняется. Постепенно мы узнаем об общих нравственных ценностях этой семьи, где выше всего ставится честь – дворянина, офицера, женщины, человека вообще, а также искренность чувств, верность слову, забота друг о друге.

Семья Щербачёвых тоже держится на отце, его авторитете и деятельности. Материнское начало также становится периферийным. Однако за скупыми строками о смерти матери проступает боль и страдание ребёнка, потерявшего самого близкого и дорогого человека. Непосредственная реакция на гибель матери не показана, но писатель находит средства изображения трагедии сиротства: подбор знаковой лексики (утрата матери названа «большим горем» [2, с. 299]), изображение эмоционального состояния героя, который в течение нескольких лет не может смириться с уходом матери. Он даже не может самостоятельно оценить новую жизнь с мачехой и передоверяет характеристику этого периода окружающим: «...люди говорят, сначала жили мы скромно и тихо» [Там же]. Ребёнок лишь отмечает чистоту и уют дома, заботу Валентины о новой семье, что отдалённо, но напоминает жизнь нормальной семьи: «Небогатую квартиру нашу держала Валентина в чистоте. Одевались просто. Об отце заботилась и меня не обижала» [Там же]. Лишившись матери, герой инстинктивно тянется к женскому теплу, уюту, заботе, поэтому Сергей выстраивает неплохие отношения с Валентиной. Он готов в какой-то степени пожертвовать репутацией отца ради добрых отношений с мачехой и не теряет связь с ней до последнего – сообщает о появлении «брата» уже после ее отъезда на Кавказ.

Петр Гринёв тоже инстинктивно ищет защиту у матери, которую ласково называет матушкой. Автор неоднократно заставляет героя вспоминать о ней на протяжении всего романа: с неохотой она отпускает сына на службу, является ему в пророческом сне, переживает о ранении сына, хлопочет о его выздоровлении, радужно принимает будущую невестку. Оказавшись в сложный период взросления без материнской опеки, герои частично «добирают» её у других персонажей – Гринёв у Савельича и Василисы Егоровны, а Сергей – у Валентины, что для гайдаровского героя становится болезненным и в какой-то момент роковым.

Отцовское начало незыблемо, непререкаемо, несмотря на все ошибки и грехи отцов. Это не только образцы поведения, но и нравственный идеал для героев. Каждый из отцов даёт своеобразный завет-наказ сыновьям, а дети остаются им верны до конца. Честь, благородство, великодушие и верность данному слову ведут по жизни Петра Гринёва, а Щербачёв-старший призывает сына быть верным тем идеалам, за которые он боролся во время Гражданской войны, ценить семейные отношения, дружбу отца и сына. Линейное повествование о сиюминутных событиях, которое ведет Сергей, всякий раз прерывается воспоминаниями об отце, когда герою особенно трудно, когда необходимо сделать определенный выбор, решить важную проблему. Он как бы сверяет по отцу каждый свой решительный поступок, каждый ответственный шаг. Причём Сергей каждый раз возвращается в одну и ту же пространственно-временную точку – общение-единение сына и отца, подкреплённое проникновенным исполнением душевной песни. Если Петр Гринёв в сложной ситуации выбора передоверяет себя и свою судьбу Высшим Силам, то гайдаровскому персонажу помогают тёплые воспоминания об отце, чувство единения с ним, семейные традиции и ценности.

Трогательная сцена мысленного прощания сына с отцом в ночь после вынесения Щербачёву-старшему приговора: «... в полудреме прощался я с отцом горько и крепко... ..был он мне старшим другом, частенько выручал из беды и пел хорошие песни, от которых земля казалась до грусти широкой, а на этой земле мы были людьми самыми дружными и счастливыми» [Там же, с. 303]. Однако Сергей неоднократно возвращается мыслями к самому яркому эпизоду их отношений – тесному и дружескому общению и отцовскому воспоминанию о гибели боевых товарищей: «Помнишь, как из окна вагона ты показывал мне однажды пустую поляну в желтых одуванчиках, стог сена, шалаш, бугор, берёзу? <...> И вашего народу много полегло на той поляне» [Там же]. Постоянные повторы, возвращение к одной сюжетной ситуации и ретардация порождают систему лейтмотивов, характерную и для романа Пушкина.

Основное повествование в обоих произведениях касается жизни героев вне семьи и процесса становления их характеров, который состоит из ошибок и их исправления, выбора конкретного решения, трагических перипетий героев. Процесс становления личности у каждого из героев проходит дистанцировано от родителей, но под их косвенным влиянием. А само взросление персонажей напоминает закреплённый в фольклоре обряд инициации, причём через это испытание своих героев проводят оба писателя. Гринёв и Щербачёв оказываются в необычном для них «перевёрнутом» мире, во многом противостоящем реальному. В этом мире царит иная логика, иные ценностные ориентиры, да и роли героев уже другие. Гринёв попадает в стан Пугачёва, знакомится с его сподвижниками и понимает логику их действий, хотя и не разделяет целей и средств этого движения. Сергей тоже оказывается в некоем антимире, где орудуют шпионы, бандиты, недоумки и т.д. Его даже встречает у границ этого мира своеобразная старуха-«пограничница», у которой герои останавливаются в Киеве. Однако делать выбор и принимать какие-либо решения обоим героям предстоит самостоятельно, но именно от их выбора зависит их возможное возвращение домой к семье и их дальнейшая жизнь вообще. Оба персонажа окунаются в своеобразную фантазмагорическую ситуацию дикого дьявольского карнавала с ряжеными, масками, переодеваниями и т.д.: царь-казак, вельможа-беглый каторжник, обстриженный в кружок знатный дворянин, с другой стороны – московский карнавал, метропреисподняя (на это обращает внимание И. Глущенко [3]), дядя-шпион, бандит с орденом Трудового Красного Знамени и т.д. Последующее срывание масок и обнажение истинного положения дел ускоряют развязку основного конфликта и подводят героев к рубежной черте. И Сергей, и Пётр даже проходят своеобразное испытание кровью и смертью: Гринёва чуть не повесили в Белогорской крепости и чуть не убили в Бердской слободе, на его глазах погибают Василиса Егоровна, Иван Кузьмич и другие защитники крепости. Сергей Щербачёв стреляет в «дядю» и Якова, затем и сам платит за свой выбор кровью – пулей в горло.

Только пройдя через ряд испытаний, очистившись от лишнего негатива – эгоизма, безответственности, легкомыслия, – герои получают право вернуться к своим семьям. Только сохранив в, казалось бы, безвыходных

ситуациях себя, свою душу, основные семейные ценности, Сергей и Пётр оказываются рядом со своими близкими, завоевывают право принадлежать к конкретной семье. Оба автора настаивают, что герои не просто взрослеют и мужают, а обретают бесценный опыт и делают главный выбор в своей жизни и осознанно подходят к приятию тех семейных ценностей, которые изначально были предложены им родителями. Оба пути героев напоминают мытарства библейского блудного сына, который не просто вернулся к родителям, но и воспринял законы семьи, стал её органической частью. Таким образом, можно говорить о реализации архетипа блудного сына в образах Петра Гринёва и Сергея Щербачёва.

Сергей и Пётр проходят и выдерживают с честью искушение ложным наставничеством и ложными нравственными ценностями. Для одного своеобразным посаженным отцом становится Пугачёв, представший со своей правдой, со своей жизненной позицией, во многом в аллегорической форме заявленной в сказке старой калмычки: «...лучше раз напиться живой кровью, а там что Бог даст!» [8, с. 298]. Гринёв на себе испытывает милость «царя», сочувствует ему, понимает причины грандиозного замысла Пугачёва, но ни изменить присяге, ни замарать собственную честь, ни принять и одобрить методы Пугачёва он не может: «...жить убийством и разбоем» [Там же] для него означает «клевать мертвечину» [Там же].

Сергей более пассивен во взаимоотношениях с «дядей». Мальчишка нуждается в отцовских заботе, внимании, участии и любви, поэтому в какой-то период безоговорочно выполняет поручения мошенников и бандитов, хотя инстинктивно чувствует негатив происходящего. Сергей и Пётр сочувствуют своим новым наставникам. Гринёв желает воину-Пугачёву достойной смерти в бою, а не на плахе, а Сергей переносит тяготы одинокой жизни на «дядю», «награждая» его этой же болью. Однако оба героя вовремя многое понимают и чётко расставляют акценты, хотя в какой-то мере и учатся у своих «менторов» лёгкому решению вопросов, отчаянной храбрости и грандиозности планов.

Гайдар, как и Пушкин, показывают и своеобразное перевоспитание отцов героев, которые хоть и дают своим сыновьям верные жизненные установки, сами совершают не всегда верный выбор. Так, Андрей Петрович Гринёв неоднозначно воспринимает информацию о благополучной карьере своих бывших подчиненных, а Щербачёв-старший пускает в свой дом не хлопотливую и заботливую жену и мать, а меркантильную и стремящуюся к благополучию особу. Оба героя тоже проходят каждый свой путь разочарований и наказаний, но в конце концов укрепляются в верности семейным ценностям и традициям, обретают взаимопонимание с сыновьями, корректируют собственное поведение и делают окончательный верный выбор.

Таким образом, можно говорить о неизменном типологическом сходстве двух значительных произведений русской литературы, об обращении писателя XX века Аркадия Гайдара прежде всего к проблемам нравственным, актуальным в любую эпоху. Сопряжение произведений двух авторов помогает выявить их нравственные ориентиры и обусловить расставленные писателями акценты: на первый план выходят семейные ценности и поиски себя, а периферическими становятся идеологические установки и социальные предпочтения.

Список источников

1. Бахтин М. М. Роман воспитания и его значение в истории реализма // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 188-236.
2. Гайдар А. П. Судьба барабанщика // Гайдар А. П. Чук и Гек: повести и рассказы. М.: Эксмо, 2004. С. 297-477.
3. Глуценко И. Барабанщики и шпионы. Марсельеза Аркадия Гайдара. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 96 с.
4. Диалектова А. В. Воспитательный роман в немецкой литературе эпохи Просвещения. Саранск: Изд-во СГПИ, 1972. 38 с.
5. Кожевников В. В. Происхождение романа. М.: Советский писатель, 1963. 440 с.
6. Краснощёкова Е. А. Роман воспитания – Bildungsroman – на русской почве: Карамзин, Пушкин, Гончаров, Толстой, Достоевский. СПб.: Изд-во «Пушкинского фонда», 2008. 480 с.
7. Пашигорев В. Н. Роман воспитания в немецкой литературе XVIII-XX веков. Генезис и эволюция: автореф. дисс. ... д. филол. н. Ростов н/Д, 2005. 32 с.
8. Пушкин А. С. Капитанская дочка // Пушкин А. С. Сочинения: в 3-х т. М.: Худож. лит., 1986. Т. 3. С. 229-328.
9. Рымарь Н. Т. Введение в теорию романа. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. 268 с.

PUSHKIN'S MOTIVES IN A. P. GAIDAR'S STORY "THE DRUMMER'S FATE"

Oktyabr'skaya Ol'ga Svyatoslavovna, Doctor in Philology
Lomonosov Moscow State University
svyatolga@yandex.ru

The article shows close interrelation of a classical work of the Russian literature – A. S. Pushkin's novel "The Captain's Daughter" – and A. P. Gaidar's story of an adolescent of the 1930s. This conclusion is justified by the fact that both the works belong to the Bildungsroman genre and the main characters' life stories are similar. The paper analyses motives and problems common for both the authors: parental admonishment and the son's adherence, the problem of choosing a life path, the motive of temptation and overcoming it, the motive of return of a prodigal son, etc. All the above mentioned indicates the continuity of A. Gaidar's prose as to the traditions of the Russian classical literature and testifies universality of the ethical values proclaimed by the writer.

Key words and phrases: Arkady Gaidar; Alexander Pushkin; children's literature; story/Bildungsroman; adolescent's image; problem of choice; prodigal son archetype; problem of socialization.